

СЕРГЕЙ
ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ПОЛИТИКИ ПРЕДАТЕЛИ ПРОРОКИ

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
РОССИИ В ПОРТРЕТАХ

Сергей Феликсович Черняховский
Политики, предатели, пророки.
Новейшая история России
в портретах (1985-2012)
Серия «Коллекция Изборского клуба»

pdf предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21431489

*Сергей Черняховский Политики, предатели, пророки. Новейшая история
России в портретах (1985-2012): Книжный мир; М; 2016
ISBN 978-5-8041-0778-0*

Аннотация

С тех пор, как под натиском перестройки и «нового мышления» пал Советский Союз, прошла почти четверть века. Выросло новое поколение, которое в массе уже не знает трагических событий августа и декабря 91-го, октября 1993-го, смутно себе представляет дефолт 1998-го... Да и те кто постарше начали забывать, кто есть кто из поучаствовавших в развале Великой державы и с каким трудом мы выбрались из клоаки 90-х. Эта книга и для первых, и для вторых. Ее автор – доктор политических наук, профессор, действительный член Академии политических наук Сергей Феликсович Черняховский, человек, много видевший и еще больше – знающий и о ключевых событиях

новейшей истории России, Горбачева и Ельцина, Лужкова и Чубайса, Явлинского и Немцова, Кургиняна и Яковлева и многих других – вплоть до наших дней, до Медведева и Путина. Портреты этих людей, написанные рукой талантливого публициста, дают читателю возможность не только погрузиться в кремлевскую политическую кухню, но и лучше понять те пружины, которые двигали историческую машину Российской государственности в два последние десятилетия. Эта книга – пробуждает память забывших, дает знание – незнавшим. И даже возвращает надежду на Светлое Будущее – ее потерявшим.

Содержание

Глава 1	6
МСГ – Герострат	6
Несостоявшийся	22
Архитектор злобы	33
Одиночество и пустота. И опять о нем	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Черняховский
Политики,
предатели, пророки
Новейшая история России
в портретах (1985–2012)

© С. Ф. Черняховский, 2016

© Книжный мир, 2016

* * *

Глава 1

Основатели архитектуры

МСГ – Герострат

На Горбачева в обществе начали обращать внимание в 1983 году. При Андропове. Хотя к этому времени он уже четыре года входил в высшее руководство страны. Иногда говорят, что ему вообще покровительствовал Андропов.

И редко вспоминают, что уже в 60-е годы его кандидатура дважды рассматривалась на предмет возможной работы в КГБ – в 1966 и 1969 году. Только сначала Семичастный, затем Андропов от нее отказывались. В какой-то момент была идея назначить его Генеральным Прокурором СССР. Вето наложил Кириленко.

Что-то там было нам неизвестное – как только вставал вопрос об особой проверке – он ее не проходил. Кто-то уверяет, что во время войны на оккупированной территории он был замечен в чем-то, что явно порочащим не было – но при пристальном рассмотрении вызвало желание воздержаться от полного доверия к нему. Кто-то проводит связь между этим обстоятельством – и тем, как вел он себя в отношениях с ФРГ: даже когда США и Великобритания резко воз-

ражали против аншлюса ГДР Западной Германией – Горбачев решил поддержать намерения Бонна. Во всяком случае, известно, что отстранение Хонеккера от власти и последующий переворот в ГДР готовился по его поручениям. Есть данные, что в период его руководства Ставропольским краем у него возникли сложные отношения с Первым секретарем ЦК компартии Грузии Эдуардом Шеварднадзе: Ставропольский край по этой версии стал прибежищем грузинских цеховиков и криминальных авторитетов, борьбу с которыми, возглавив реском партии, развернул последний.

Но возможно – все это и не так. И все эти сведения – лишь отражение той ненависти, которую испытывают к Горбачеву и российское общество, и народы разделенных им республик.

В дни смерти Андропова в обществе ходил слухи, что наследовать ему может либо Горбачев, который, как относительно молодой, вызывал определенные позитивные ожидания, либо Черненко, возраст которого напротив явно смущал общество. После избрания последнего Горбачеву досталась идеологическая работа – и он произвел определенное впечатление докладом на прошедшей в 1984 году Научно-практической конференции КПСС по вопросам совершенствования развитого социализма. Там же, кстати, удачно и, по тем временам, ярко и интересно выступил и Первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин. Оба очень ратовали за дальнейшее поступательное и насту-

пательное развитие социалистического общества.

Когда в марте 1985 г. Горбачева избрали Генсеком ЦК КПСС, действительно было воодушевление. Сначала – просто потому, что избрали молодого. Потом, в апреле, на Пленуме ЦК, он провозгласил курс на ускорение социально-экономического развития. Все радостно вздохнули: начинается наступление, «революция продолжается!». Как пели в 70-е: «И вновь продолжается бой. И сердцу тревожно в груди, и Ленин такой молодой – и юный Октябрь впереди!». Страна готовилась к прорыву в будущее.

А потом Горбачев поехал в Ленинград – вышел к народу и говорил, говорил, говорил... Все удивились – после речей Брежнева: «Оно» – еще и разговаривает!». Говорил красиво, без бумажки, по делу – и его просили: «Мира на Земле и порядка в государстве!».

Он ответил антиалкогольной кампанией. Все изумились ее бредовости – в первую очередь далеко не алкоголики. Но подумали: «Ладно, бывает. Молодой, горячий – занесло поначалу. Но если для торжества коммунизма нужно за марочным вином или коньяком на день рождения в очереди стоять – отцы и деды не на такое шли».

А «Оно» – все говорило. Всем нравилось. Правда – потом, вспоминая или перечитывая, никто не мог понять – про что все-таки человек говорил. Опытные пропагандисты и лекторы, которые должны были разъяснять его речи – задумчиво сидели с ручками, пытаясь в обильном тексте найти хоть кру-

пицы осмысленного. Директор завода спрашивал дочь, студентку-комсомолку-отличницу:

«Не пойму, что значит работать по-новому, это как?», – восторженная девочка рассказывала. Отец-орденоносец изумленно говорил: «И для этого нужно столько говорить? Я так всю жизнь жил и работал!» Это был реальный человек. Он погиб потом в Грузии, останавливая развязанный Горбачевым межнациональный конфликт. Его кровь – как и кровь примерно пятнадцати миллионов человек – на руках Горбачева.

Бывает такой специфический и довольно редкий тип политиков. Те, кто, более или менее случайно силой обстоятельств получив власть, не знают, как ею распорядится. Она им нравится. Им комфортно быть «самым главным». Они купаются в собственной значимости. Им даже хочется сделать что-нибудь «великое». Но что – они не знают. И как – они тоже не знают.

Они не знают и не понимают своих целей – потому что, какие бы цели они публично не провозглашали, их подлинная цель – даже не их же власть – а их наслаждение ею. Они могут в этом не признаваться даже самим себе, но их цель лишь собственное самолюбование и тщеславие.

Власть для них – не инструмент. Власть для них – не изматывающий труд. Власть для них повод для самолюбования. И средство получения почестей. И в отличие от тех, для кого власть есть самоцель, они даже не будут надрываться ее

защищая.

Они – как обезьяна, играющая с короной: она может ее украсть, может ею любоваться, может, надев ее, смотреться в зеркало, может ее выбросить и убежать, увидев, что игрушку отбирают: но не может, даже надев, стать королем.

По сути, Горбачев – это именно такой тип «лидера». Его властный алгоритм – это скольжение. Маневр – но маневр не самостоятельного игрока, а маневр между игроками. Он возвышался – в качестве производного от неких отношений, существовавших вне его. Всегда в этих отношениях выбирая положение удобного и для одних, и для других.

Это принесло ему власть. Но получив эту власть, он не знал, что ему делать. Он получил пост, формально ставивший его в один ряд с титанами прошлого. И хотел быть таким же – но не был. Потому что не мог.

Он не знал, чего он хочет, потому что хотел одного – любоваться собой и войти в историю: «сделать нечто великое». Он получил право указывать стране направление движения – и не знал, что указать. Как потому, что не умел сам определять цели – он всегда маневрировал между «старшими» и исполнял цели, поставленные ими, так и потому, что был элементарно неграмотен – а его обучение на юрфаке МГУ было типичным обучением «общественника». Как там было в «Служебном романе»: «Однажды ее выдвинули в профком – и с тех пор не знают, как задвинуть». За что и ставились соответствующие оценки. Кстати, упоминаний о военной службе

Горбачева нельзя найти ни в одной его биографии. Правда, некоторые люди, знающие его лично, утверждают, что он все же, служил... **Только, по их словам, как «орденоносцу труда» ему поручили ответственную должность завскладом.** Так служил. Так и учился.

Он не имел внутреннего креатива для постановки целей – за все время как своего властвования, так и последующее, невозможно в его делах и речах найти ни одной действительно свежей и конструктивной идеи.

Он говорил много – и все про то, что хорошее – хорошо, а плохое – плохо. Правда, потом оказалось, что в любой странице брежневского официоза содержательного начала в десяток раз больше, чем во всех речах Горбачева.

Он много наговорил, и много написал – вместе с помощниками. Только с какого места ни читай какую-нибудь «Перестройку и новое мышление – для нас и для всего мира» – смысла увидеть невозможно. Логорея. Она же – словесная диарея.

Но говорить было недостаточно – тем более, говорить ЭТО – не несущее смыслового содержания. Очень быстро, уже к середине 1986 года это стало надоедать – и общество, и партия, и аппарат стали требовать какого-то дела.

Каких-то решений. Проблемы-то действительно были – и их действительно нужно было решать.

А он – не мог. Для того, чтобы вообще что-то решать – ему нужно было иметь, тех, от кого он сможет быть производ-

ным. Тех, между кем ему можно будет скользить. Нужна была чужая схватка, чужое противостояние, чужой конфликт – чтобы оказаться в них неким подобием арбитра, «генератором консенсуса». И он отчасти произвольно, а отчасти сознательно, провоцировал и порождал конфликты и противостояния. Он натравливал одних на других – а потом начинал призывать их к соглашению. И приводил к тому, что не устраивало ни одних, ни других. А когда каждый из спровоцированных им на конфликт обращался к нему за поддержкой, он предавал каждого из них.

Как там у Стругацких: *«Мы здесь ломаем головы, тщетно пытаюсь втиснуть сложную, противоречивую, загадочную фигуру орла нашего дона Рэбы в один ряд с Ришелье, Неккером, Токугавой Иэясу, Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком! Он предал и продал все, что мог, запутался в собственных затеях, насмерть струсил и кинулся спасаться к Святому Ордену.*

Через полгода его зарежут, а Орден останется. Последствия этого для Запроливья, а затем и для всей Империи я просто боюсь себе представить».

*Он может это отрицать, но
– это он санкционировал публикацию статьи Нины Андреевой, а потом разыгрывал возмущение по этому поводу;*

– это он санкционировал применение армии при разгоне демонстрации в Тбилиси, а потом заявил, что ничего

об этом не знал;

– это он санкционировал и поддержал и создание Комитета Общественного Спасения в Литве, штурм телецентра и применение войск зимой 1991 года, а потом сказал, что все было сделано без его ведома и предал создателей тех же комитетов;

– это он весной 1991 года инициировал попытку смещения Ельцина с поста Председателя Верховного Совета РСФСР и требовал от Первого Секретаря ЦК КП РСФСР Ивана Полозкова и Первого Секретаря ЦК МК КПСС Юрия Прокофьева обеспечить необходимое голосование на Съезде депутатов РСФСР – а когда все было готово – дал Полозкову указание снять этот вопрос с повестки дня, но, ко всему прочему, потом в ЦК обвинил Полозкова в самовольном снятии вопроса;

– это он инициировал подготовку введения чрезвычайного положения летом 1991 года, дал согласие на создание и действия ГКЧП (по некоторым свидетельствам – именно он предложил и название «Государственный комитет по Чрезвычайному положению» и сам составил список его членов), а потом обвинил всех их в своем аресте и попытке переворота.

И это не потому, что он был коварным интриганом, это потому, что он был политическим и организационным импотентом.

Он затевал интригу – и сам ее разрушал, в испуге от то-

го, что она развивалась. Но ему всегда нужен был конфликт. Всегда нужно было противостояние – и он его всегда разжигал и провоцировал. По замыслу – чтобы победно разрешить, в действительности – чтобы самому смертельно перепугаться ходом развития событий и всех предать и обвинить.

Даже сотворенная им катастрофа и разрушение были не плодом коварного замысла тайного врага – они были плодом действий танцора, которому всегда мешают известные обстоятельства.

Его адвокаты упорно утверждают: ну не мог бы один человек разрушить СССР, если бы тот не имел в себе собственных проблем. Во-первых, мог. Чем сложнее система – тем больше для нее опасности «от дурака». Самый совершенный лайнер можно разбить, если пилота станет отвлекать пьяный министр авиации.

Во-вторых, да, в 1985 году страна хотела перемен, хотела развития и динамики. Но не разрушения существующего. Хотела подняться выше того уровня развития, которого она достигла, а не обрушения ниже того, что имела.

Опросы, проведенные ФОМом еще в феврале 1995 года¹, посвященные десятилетию начала «перестройки» уже тогда стали своего рода моральным приговором Горбачеву и его «перестройке».

Уже в ответе на вопрос, нужно ли было вообще начинать перестройку, можно увидеть глубокий общественный рас-

¹ Полис. 1995. № 2.

кол, причем при заметном перевесе ее противников. Положительно на него тогда ответили лишь 40 % всех опрошенных, тогда как отрицательно – 45 %, при 15 % не определившихся.

Однако если посмотреть на структуру тех, кто по-прежнему поддерживал изначальную необходимость ее проведения, можно увидеть не только внутреннюю неоднородность, но и явное преобладание сторонников социалистического строя.

На вопрос, «Как следовало проводить перестройку?», 27 % по-прежнему говорили, что ее вообще не надо было проводить. Еще 27 % полагали, что ее следовало проводить, не разрушая социалистического строя. При этом полагали, что «перестройку» надо было проводить так, как она проводилась 2 %, а 12 % считали, что надо было более решительно продвигаться к демократии и рынку западного типа. 18 % считали, что нужно было решительно продвигаться к рынку, не торопясь с введением демократии. В переложение на реалии второй половины 80-х годов это означало движение к рынку под руководством коммунистической партии, т. е. нечто подобное НЭПу 20-х или «китайскому варианту». 12 % затруднились с ответом на этот вопрос.

Таким образом, 27 % жестких противников перестройки в сумме с 27 % сторонников ее социалистического варианта, дают большинство общества и превалируют над суммой сторонников ее реализованного варианта (2 %) и более решительного западного варианта (12 %) более чем в три раза:

54 % против 14 %. Если даже, не вполне обосновано, к последним добавить 18 % сторонников «китайского пути», которые скорее должны быть отнесены к их противникам, все равно приходится признать, что число сторонников социалистической ориентации намного превосходило число сторонников капиталистического варианта развития.

Горбачев произнес немало сентенций на тему более чем спорной фразы Достоевского о том, что никакая гармония не стоит того, чтобы в ее основе лежала хоть одна слезинка ребенка. Предположим. *А идея «перестройки» и «нового мышления» стоила той крови, к которой она привела?* Стоила Карабаха? Стоила Ферганы? Стоила Абхазии, Осетии, Приднестровья? Стоила миллионов нищих? Стоила вымирания страны со скоростью миллион человек в год? Уж не будем вспоминать, что по архивным данным, все сталинские расстрельные приговоры по политическим статьям за 30 лет его власти насчитывают 800 тысяч человек...

Сейчас, спустя тридцать лет после начала «перестройки» отношение к ней не стало лучше. По данным Левада-центра² Горбачев сегодня получает «в целом положительных оценок» лишь 14 % – здесь даже не удалось выделить группу «очень положительных» – таких нет. В 2002 году, начиная с которого представлены данные – у него было 13 % положительных оценок. Положительная динамика отсутствует.

И отрицательные оценки превышают положительные уже

² <http://www.levada.ru/press/2011012601.html>

почти втрое – 38 % – против 14 %. Нейтральных оценок 41 % против 39 % в 2002 году. И тоже 7 % тех, кто не знает, какими словами охарактеризовать свое отношение к нему – в 2002 году их было 2 %.

Только в такой ситуации нейтральное – это «не негативное». Нейтральное это презрительно-брезгливое. Полагающее сам объект оценки – не достойным твоего внимания. Оценочный бойкот.

И вот данные Левада-центра об отношении к самой его деятельности, к тому, что в исторической перспективе принесла их эпоха.

Положительные оценки набирают здесь 18 %. Отрицательные – 60. Причем если до 2005–2006 гг. первые подрастали, а вторые немного сокращались – то последнее пятилетие опять стали сокращаться первые и расти вторые.

В 2002 году положительные оценки составляли 19 % и к декабрю 2005 подросли до 23 %, и затем на сегодня упали до 18 %. Отрицательные в том же 2002 году составляли 66 %, к 2006 году сократились до 56 % и на сегодня вновь выросли до названных 60 %.

И объяснить это несложно. Потому что та жизнь, дорогу которой проложила «перестройка» – оказалась хуже, чем то, что было ею сломано.

А сломал – он. Горби. Потому что никогда не умел созидать – умел интриговать, предавать. Разрушать.

На общие реальные проблемы развития накладывался уже

не просто субъективный (все эти моменты были рождены субъективным фактором) – а личный фактор – личная стилистика Горбачева.

Показателен, в частности, им же приводимый рассказ о его действиях в канун ратификации Беловежских соглашений. По его словам, он сделал все, чтобы не допустить ни распада страны, ни ратификации этих соглашений. Он, по его же словам, «даже» написал личное письмо каждому депутату каждого Верховного Совета каждой союзной республики, призывая не голосовать за ратификацию.

Горбачев говорит об этом, как о некоем чуть ли не мужественном поступке – не понимая, что сам этот поступок может свидетельствовать лишь о его политической профнепригодности, непонимания природы политики и просто элементарной глупости. Потому что получение такого письма могло только стимулировать колеблющихся голосовать за ратификацию Беловежья. Поскольку с неизбежностью воспринималось не как довод, обращенный к разуму – а как свидетельство бессилия, свидетельство неспособности и неготовности доказать, что в стране существует власть и сила, способная принудить к исполнению закона и сохранить страну.

То есть одно это письмо демонстрировало, что союзная власть не может ни через посредничество между республиками решить вопрос сохранения Союзного государства, ни управлять экономическими и политическими процессами в нем, ни силой принудить к его сохранению.

Технология разрушения страны, в конечном счете, заключалась именно в субъективных и стилистических моментах существовавшего правления и проводимой политики, провоцировавшей центробежные тенденции и сепаратистские тренды.

Был обесмыслен и уничтожен смысловой ответ на то, зачем столь разнообразным народам нужно жить в одной стране. Уничтожен смысл этого совместного существования – причем без создания замещающего его нового. Была дискредитирована и уничтожена единственная существовавшая политическая структура гражданского общества, связывавшая воедино республики Союза. Элита была расколота и приведена в такое состояние, когда для ее республиканских компонентов разрыв с союзным центром и союзной элитой означал вопрос сохранения ее политического и статусного положения. Было остановлено исполнение государством своих основных функций.

И его сторонники (равно как и выигравшие от им совершенного), не имея доводов в его защиту, понимая, что реабилитировать его в глазах народов СССР/России невозможно, пытаются обратиться к другому арбитру – «международной общественности», которая его любит и ему рукоплещет. И заодно пытаются менять координаты его оценки: все черное и подлое, совершенное им, объявить светлым и добрым. Последнее вообще было одним из приемов «нового мышления» – менять оценки: все хорошее – назвать плохим. Все

плохое – хорошим.

Как было у Родари в «Джельсамино в стране лжецов», где кошку нужно было называть собакой. А собаку – кошкой. Или в песенке Тристана в «Собаке на сене»: «Станет сразу все намного проще: девушка стройна, мы скажем: мощи! Умницу мы наречем уродкой, добрую объявим сумасбродкой. Ласковая – стало быть, липучка, Держит себя строго – значит, злючка. Назовем кокетливую шлюхой, Скажем про веселую – под мухой. Пухленькая – скоро лопнет с жиру, Щедрую перекрестим в транжиру». Вот оно – «новое мышление» в концентрате.

«Мировое сообщество» чествует Горбачева... Правильно делает, что чествует. Если бы, придя к власти в 1980 году Рональд Рейган к 1987-му довел США до глубокого экономического кризиса, поставил американский общественно-политический и социально-экономический строй на грань краха, распустил НАТО, позволил во Франции, Англии, Италии и т. д. прийти к власти коммунистам и установить советскую власть, заодно согласившись на аннексию Западной Германии Германской Демократической Республикой с отменой в первой частной собственности, мы тоже считали бы его великим героем, свершившим мечты нашей юности.

ГДР объявила бы его «лучшим немцем», а Эрих Хонеккер считал бы лучшим другом. И юбилеи его в Москве, Варшаве, Софии, Берлине, Праге отмечали бы куда с большей яркостью, чем это было сделано по отношению к Горбаче-

ву в «Альберт-холле». Естественно, было две мировые системы, конкурирующие друг с другом. И тут лидер одной из них свою систему и «империю» обрушивает – и подает ее как лакомство на стол «пира победителей» – со всеми ее богатствами, оружием и ресурсами: понятно, что победившая сторона будет воздавать ему почести. В душе презирая: ну не любят люди предателей.

И даже когда Горбачев что-то пытался сделать, всегда оказывался в роли того китайского императора, который однажды, не подумав, пожелал, чтобы все, к чему он прикоснется превращалось в золото. И умер от голода, потому что и хлеб, который он хотел положить в рот, становился золотом.

Только у Горбачева все, к чему он прикасался, становилось не золотом – фекалиями.

И он до сих пор этим гордится – ведь у другого не получилось бы.

Как для того, чтобы сжечь эфесский храм – надо было, чтобы появился Герострат.

Горбачев – тоже Герострат. Чье имя любой порядочный человек еще в течение веков будет произносить с презрением и брезгливостью.

Хотя – ведь есть и те, кто от этого выиграл. Это использовал. На этом нажился. Они, конечно, будут ему благодарны. Только они как были, так и остаются и останутся в паразитическом меньшинстве.

Несостоявшийся

В 70-е годы по стране о Шеварднадзе ходили тихие (вполголоса передаваемые) легенды. О том, как он, будучи министром внутренних дел Грузии раскрыл глубокую коррупционную систему, созданную и возглавляемую прежним Первым секретарем ЦК Компартии Грузии Василием Мжаванадзе. Как тайно доложил об этом руководству СССР. Чуть ли не конспиративно был перевезен в Москву для обеспечения его безопасности. Как чуть ли не в ходе спецоперации снимали прежнего лидера республики и назначали на его место «борца с коррупцией».

И как, возглавив республику, четный и бескорыстный выходец генерал милиции развернул борьбу с теми, кто не хотел жить честно. Был даже снят четырехсерийный художественный фильм, как считалось – о начале карьеры Шеварднадзе: когда он, будучи секретарем сельского райкома партии, вступает в борьбу с местными дельцами теневой экономики. Поэтому, когда летом 1985 года, на фоне ожиданий наведения порядка и обновления общества Шеварднадзе сначала из кандидатов стал членом Политбюро ЦК КПСС, а затем возглавил МИД, в целом это рассматривалось как примета оздоровления.

Правда, и изначально все было несколько не так, как рассказывалось. Выходцем из МВД он был весьма условно: на-

чав карьеру в 1946 году инструктором райкома комсомола, он до 1961 года успешно делал карьеру в грузинском комсомоле. В 1956 году, после направленного на защиту памяти о Сталине восстания грузинского комсомола, руководство его ЦК стали менять, и Шеварднадзе стал вторым, а с 1957 по 1961 год – первым секретарем ЦК ЛКСМ Грузии. Тогда познакомился с Горбачевым, который в 1955–1962 гг. был вторым, а затем первым секретарем соседнего с Грузией Ставропольского крайкома ВЛКСМ. После этого он три года пробыл на третьестепенных партийных должностях в Грузии и с началом нового витка ротации кадров в 1964 г. им решили укрепить министерство охраны общественного порядка (затем – МВД) Грузии, где он пробыл до 1972 года, когда обвинил в коррупции Мжаванадзе, и сумел заменить последнего на должности Первого Секретаря ЦК.

И потом действительно была чистка кадров по всей республике – за первые полтора года он освободил от занимаемых постов 20 министров, 44 секретаря райкомов, 3 секретарей горкомов, 10 председателей райисполкомов и их заместителей, назначив на их места своих доверенных людей. По ряду данных, до 1978 года им за пять первых лет на новом посту, было арестовано более 30 тысяч человек, половина из которых являлись членами КПСС и ещё 40 тысяч были освобождены от своих постов. Кто-то из них был и коррупционером. Кто-то – просто оказался в конфликте с ним с прежних времен. Кого-то он снял, как ранее назначенных Мжаванад-

зе. Кто-то – за то, что просто позволял себе усомниться в его управленческих решениях.

Но, безусловно, он умел налаживать отношения с вышестоящими руководителями и вписываться в требования той среды и системы, в которой работал. Поэтому Грузия при нем процветала. С одной стороны – как и вся страна в то время. С другой – еще больше, поскольку добиваться льгот для нее он умел. Даже на одном из торжественных мероприятий, чтобы польстить Центру, объявил, что отныне «Солнце для Грузии восходит с Севера». В ответ на что ему пришлют компас с запиской, где было одно слово: «Проверь!».

Уже позже, когда Горбачев затеет свою первую авантюру в виде «антиалкогольной кампании», среди прочего – ужесточит меры по борьбе с самогонварением и сократит производство спиртных напитков – ограничения коснутся чего угодно, кроме производства и самогонварения чачи, для которой сделают исключение, как для предмета особого национального значения.

Он умел главное: умел нравиться начальству и партнерам. Умел вписываться в баланс сил. Умел думать о себе, продвигаться вперед и награждать верных ему.

Когда он возглавил МИД СССР – продолжил то, что делал раньше: стал вписываться в ситуацию, производить впечатление – и нравиться.

Но теперь уже нужно было нравиться не Брежневу, Косыгину и Щелокову. Нравиться нужно было Горбачеву и его

помощникам. Диктовавшим тому нескончаемые писания на тему «нового мышления». То есть о том, как делать все не в согласии со здравым смыслом, интересами страны и научными требованиями – а наоборот. И чтобы выглядело чем-то новым, смелым и необычным. Шеварднадзе умел играть по правилам. И умел нравиться.

На фоне Андрея Громыко, прозванного на Западе «мистер Нет», за жесткое отстаивание интересов страны и умение изматывать партнеров по переговорам, когда у них уже не хватало психологических сил возражать на его требования – на этом фоне улыбочивый, широкий, и со всем согласный Шеварднадзе – был настоящим соловьем «нового мышления». Он всегда готов был улыбнуться, встретиться в неформальной обстановке – и на все согласиться. С ним очень приятно было иметь дело. Он был хитрый «лис Эдуард». И он быстро понял, что именно на этом пути – пути обаяния и согласия на все, – можно не только быть приятным новому Генсеку и особенно его жене. Можно выглядеть предельно комплиментарно для ватаги «прорабов перестройки» присвоивших себе право делить людей на «консерваторов» и «реформаторов», «сталинистов» и «демократов», «рукопожатных» и «достоинных» – и «нерукопожатных» и «недостойных». Его зачислили в «реформаторы», «демократы» и «рукопожатные».

Но он был очень хитрый и понял больше: главное – нравиться даже не Горбачеву и московским авантюристам, глав-

ное нравиться мировым лидерам. И он их очаровывал. И делал дорогие подарки. Кто-то говорит, что дарил и дорогие перстни. Сложно сказать – скорее – дарили ему. А он дарил свои подписи под соглашениями, выгодными политикам Запада. Невыгодными СССР. Но выглядело это чуть ли не как прорыв: соглашение за соглашением. Договоренность за договоренностью. Консульства и представительства. Никто из непрофессионалов не вникал в вопрос, о чем эти соглашения. Радовались их числу. Профессионалы тоже не вникали – они с первого взгляда видели, что творится нечто невообразимое – и держались за голову. Но сказать ничего не могли: все равно лишь ославят консерваторами и «ястребами Холодной войны».

Он подписал с США договоренности, уменьшавшие возможности СССР в развитии своих ядерных технологий и позволявшие американцам контролировать эти процессы на территории СССР. С ФРГ – позволявшие последней открыть свою резидентуру в Киеве. Опять с американцами – соглашение об обязательствах СССР прекратить поддержку союзного правительства Афганистана. Затем подарил США часть акватории Берингова моря.

В мае 1989 года он приехал с комиссией в Грузию, чтобы расследовать события 9 апреля. И хотя ситуация уже была урегулирована – именно Шеварднадзе начал вновь разжигать скандал вокруг нее, отменил введенное в Тбилиси чрезвычайное положение – и дал команду и возможность инфор-

мационно атаковать и руководство республики, и армию за их действия по наведению порядка в городе.

Дело в том, что когда Горбачев забирал его в Москву, генсек поинтересовался, кого Шеварднадзе предлагает оставить во главе ЦК республики вместо себя. У Шеварднадзе были два секретаря ЦК, которые могли бы его заменить: Патиашвили и Хабиашвили. Он предложил второго. Горбачев, естественно, выбрал первого. И тот, Джумбер Патиашвили, возглавив ЦК, в духе времени начал шаг за шагом распутывать нити коррупции, которые остались от Шеварднадзе. К 1989 году Хабиашвили оказался под следствием – и начал давать показания. Против Шеварднадзе.

Патиашвили же, проводя взвешенный курс, одновременно и отстаивая интересы Грузии, и сохраняя интернационалистскую линию и ориентацию на сохранение Союза с осени 1988 года обрел в Грузии особую популярность.

Для Шеварднадзе он становился опасен – и, позволив развиться в самой Грузии истерике по поводу событий 9 апреля и объявив виновными в них руководство армии и Патиашвили, «хитрый лис» избавлялся от опасного лидера республики. На самом деле, «трагедия 9 апреля» – пропагандистский миф, созданный Шеварднадзе. От непосредственно действий военных в тот день не погиб ни один человек. Но потом этот миф был подкреплён фальсификациями комиссии Собчака и утверждён под давлением противников СССР решениями Съезда депутатов. Что привело к победе

на выборах 1990 года националиста Гамсахурдия и отделению Грузии от СССР.

К осени 1990 года для Шеварднадзе уже не было места в Грузии – но он чувствовал себя комфортно и в Москве. Он понимал, что либо в стране нужно твердой рукой наводить порядок – либо пребывание в руководстве СССР может через некоторое время стать опасным. Но еще он к этому времени понимал, в частности, что и порядок наводить может быть опасно – и главное, что опасным становится сам Горбачев, способный на любой предательство.

Шеварднадзе знал, что был план отрешения Горбачева от должности на Съезде депутатов СССР в декабре 1990 года. И ждал, чем это окончится. Но, когда замысел, по ряду причин о которых нужно говорить особо, не удался (в решительный момент испугался Николай Рыжков, который должен был быть избран на пост Президента СССР) – Шеварднадзе понял, что пора выходить из игры и публично заявил о своей отставке, сказав, что в стране готовится переворот и диктатура, в которых он принимать участия не хочет. Дело в том, что Горбачев планировал его рекомендовать на введенный пост вице-президента страны, который в итоге достался Янаеву – и хитрый Шеварднадзе понял, для чего это делается. И что Горбачев поручит ему ввести чрезвычайное положение – но, скорее всего, его же и предаст. Денег у него было достаточно, подарки от зарубежных лидеров были разнообразны – и пенсия Шеварднадзе не пугала.

Но к осени 1991 года он был не нужен уже никому – ни в Тбилиси, ни в Москве. Союз был разделен на части. А ведомая Гамсахурдия Грузия не вошла даже в СНГ. В Тбилиси последним были недовольны слишком многие. Экономика рушилась. В Осетии была развязана гражданская война – и она, и Абхазия заявили, что если Грузия выходит из СССР, то они имеют право выйти из Грузии – кстати, из СССР эти республики выйти отказались. В Тбилиси жить становилось просто невозможно. Но оппозиция, состоявшая из националистов, социалистов, сторонников союза с Россией и много кого еще – была не организована и одни ее участники были не согласны признать других лидерами. И тогда пресс-секретарь Круглого стола, в рамках которого осуществлялись консультации оппозиционных сил, выдвинула идею призвания Шеварднадзе – и убедила в ней и лидеров партий, и лидеров боевых подразделений – Иоселиани и Китовани. Страна приняла возвращаемого Шеварднадзе, потому что видела в нем образ той «Золотой Грузии» и ее процветания, которое было связано с расцветом СССР, и ждала, что бывший лидер компартии вернет его республике. Поскольку пресс-секретарь была сторонником восстановления единства Союза, ей удалось добиться от Шеварднадзе вступления в СНГ – но именно как сторонник Союза, как противник и пророссийский политик она воспринималась Китовани и Иоселиани – и была удалена под их давлением из руководства и вынуждена уехать в Россию.

Китовани и Шеварднадзе втянули Грузию в войну в Абхазии, когда бывший Первый секретарь и будущий второй Президент был в последний момент спасен от плена в Сухуми и вывезен в Тбилиси отрядом российской морской пехоты.

Шаг за шагом Шеварднадзе избавился от всех, кто привел его к власти в 1992 году, но оказалось, что вернуть Грузии благоденствие, утраченное благодаря ему с Горбачевым – не способен.

Оказалось, что управлять ей он мог только, пока под руками была компартия, КГБ и советская власть. Когда можно в нужный момент всегда позвонить в Москву – и затребовать помощь руководства в рамках политики пролетарского интернационализма и советского патриотизма. И всё привезут, помощь окажут. А ненужных – увезут.

Теперь нужно было обходиться самому. Он умел расставлять людей – но вне старой системы эти люди могли уже работать только на свой карман. Он не знал, кому доверять – и для устранения тех, кого считал слишком самостоятельными в своем окружении разыгрывал спектакли с покушением на самого себя с тем, чтобы их в этих покушениях обвинить.

Он пытался положиться на свою семью – и отдал ей электроэнергетику Грузии. Но его родственники продавали за бесценок поступавшее из России электричество в Турцию – а Тбилиси сидел впотьмах и без воды. У него оставалось много знакомых в мировой элите – и он вместо повышения

уровня жизни мог дать жителям республики ощущение удовлетворения от того, что их президента принимают лидеры великих держав. Он удерживал Грузию от гражданской войны – но не мог дать ей ничего, кроме нищеты. Старые советские предприятия и богатства разворовывали его родственники и чиновники, которым он за лояльность платил правом на хищение.

Он пытался лавировать между Россией и США – но шаг за шагом раздражал обоих партнеров. По строй памяти комсомольского работника и студента-заочника педвуза он пытался подготовить кадровый резерв из молодых политиков – они его и свергли в 2003 году. Правда, существует версия и о том, что это он придумал переворот, чтобы передать им власть – а самому остаться в стороне и ни за что не отвечать. Может быть. Из трех его учеников один – Саакашвили – убил, судя по всему, другого – Зураба Жвания и выгнал из власти третью – Нино Бурджанадзе. А затем установил в Грузии полицейскую диктатуру, развязал новую войну в Южной Осетии, потерял окончательно и ее, и Абхазию, уничтожил исторический облик Тбилиси, разрушил памятник воинам Великой Отечественной войны и переименовал улицы Тбилиси, назвав их именами глав стран-членов НАТО.

Сегодня в Грузии 70 % жителей – безработные и основная претензия Грузин к России заключается в том, что та остановила свои войска в немногих километрах от Тбилиси в 2008 году вместо того, чтобы освободить город от Саакашвили.

Конечно, Саакашвили не было бы, если бы не было Шеварднадзе. Но последний – просто добрый правитель и мудрый дедушка на фоне своего ученика.

Хотя в целом он – по большому счету несостоявшийся политик. Плохой дипломат. Неудавшийся правитель страны.

Правда, не сумев позаботиться ни о СССР, ни о Грузии, о детях своих он позаботиться сумел. Его сын Паата при Саакашвили оказался на работе в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже. Дочь Манана – на грузинском телевидении, – и Саакашвили ее не обижал. Внучка Софико – на радиостанции «Эхо Москвы». Там Шеварднадзе любят.

Архитектор злобы

Фигура Александра Яковлева вызывает к себе отношение, которое не вполне точно было бы характеризовать как «противоречивое». Просто оно вполне однозначно, но у разных сторон оценки в своей однозначности явно противоположные.

Принято считать, что именно он был одной из ключевых фигур, приведших советское общество к катастрофе и разрушению. То есть, тут нет тех нюансов, которые возникают при оценке Горбачева. Нет версий, которые утверждали бы, что на самом деле он хотел «обновить социализм», но ему не дали или у него не получилось. Нет даже версий, которые утверждали бы, что все принесенные им несчастья – просто от самонадеянности, безграмотности и бездарности – что мы имеем в случае с Горбачевым, да и отчасти Ельциным.

Все согласны – он сознательно делал то, что делал. Разрушал. Страну, в которой родился. Строй, за служение которому, официально получал деньги как партийный работник. То есть он жил за счет взносов тех, кто в данные идеалы верил – и делал все, чтобы эти идеалы разрушать, а своего достояния их лишить. Одни, что естественно, видят в этом предательство и непорядочность. Другие – мужество и героизм. Но что он это делал – не спорит никто. То есть, вся спорность – был он тайный враг или явный предатель.

Есть правда и некая иная версия, которой он одно время придерживался, косвенно намекая на нее своими высказываниями о том, что «лишь идиоты не меняют своих взглядов»: то есть – сначала он, якобы, верил, а потом разочаровался. Частое объяснение многих из тех, кто в конце 80-х гг. одно-моментно перешел от восхваления социализма и советской власти к их обличению.

Как звучало в стихах 1991 года: *«Товарищ, друг, мы преданы с тобой! Партийные возжи меняют партбилеты. Морально прогоняют нас с тобой от совести свободные газеты».*

Сам он утверждал, что свой замысел борьбы против страны и ее строя выносил еще в 50-е годы. Вот его собственные слова: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. <...> Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционаризму вообще. <...>

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования со-

циализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы «тоталитаризма» против системы «тоталитаризма» – сработала»³.

Хотя само по себе это признание написано тогда, когда это могло бы позволить, как у Горбачева, бездарность, приведшую к трагедии, представить в качестве сознательно избранной тактики и идейной политической борьбы. Или этим же заретушировать простое корыстное предательство и платную работу на внешнего врага.

О том, что Яковлев был связан с иностранными разведслужбами – глухо упоминают многие работавшие с ним партийные и государственные деятели. В том числе, неоднократно говорил об этом Крючков. Говорил об этом и Фалин. Причем сам Крючков был назначен на пост председателя КГБ, в частности, и по инициативе и при поддержке Яковлева, так что здесь вряд ли можно было бы говорить о каком либо сведении счетов и запоздалой мести по причинам личной неприязни. Причем рекомендовал его Яковлев именно в силу того, что в 60-е годы вместе с ним работал в ЦК КПСС и они были в неплохих отношениях.

Симпатизанты Яковлева ссылаются на то, что после обвинений со стороны Крюčkова, высказанных в 1993 году, Прокуратора РФ и Служба внешней разведки проводили расследование – и дали заключение об отсутствии данных, подтвер-

³ <http://agitclub.ru/gorby/ussr/blackbook1.htm>

ждающих это обвинение. Хотя какое еще заключение могли дать в эти годы спецслужбы тогдашней власти по поводу одного из ее фаворитов? Яковлев даже был тогда назначен на одну из ключевых должностей: в 1993–1995 годах возглавлял Федеральную службу по телевидению и радиовещанию и Государственную телерадиокомпанию «Останкино». После чего «Останкино», как известно, перестало существовать, на его месте было создано ОРТ, а контроль над ним получил Борис Березовский.

Прекратив деятельность национальной телекомпании, Яковлев опять занялся партийной работой: возглавил «Российскую партию социальной демократии». Которая в 1995 году пошла на выборы в составе блока во главе с Е. Гайдаром – и вместе с ним провалилась, в 1999 году заявила о неофициально вхождении в СПС, затем не смогла собрать кворум на собственном съезде и самораспустилась в 2002 году.

Можно, конечно, предположить, что и здесь Яковлев сначала вел идейную борьбу против «Останкино», а затем – такую же идейную уже против сторонников «социальной демократии» и союзных им гайдаровских «либералов-рыночников». Но результат всегда оказывался почти одинаковым: «архитектор у развалин».

Версия о том, что Яковлев был завербован западными спецслужбами отчасти ее авторами косвенно подтверждается тем, что в 1958–1959 годах Яковлев проходил по направлению ЦК КПСС стажировку в Колумбийском университете

– и проходил ее вместе и был дружен с Олегом Калугиным, чья шпионская деятельность давно доказана, им самим признана и который в 2002 году уже российским судом признан виновным в измене Родине.

Был или не был Яковлев агентом иностранных спецслужб – делал он то, что делал. И результат был таким, каким он был. Спор, опять-таки, лишь о том, вел он эту работу за деньги других стран или бесплатно.

Но темы его научных работ – когда он занимался наукой, а не политической пропагандой – по-своему показательны: кандидатская диссертация «Критика американской буржуазной литературы по вопросу внешней политики США 1953–1957 гг.» (1960); докторская «Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945–1966 гг.)»

Безусловно, странно было бы, если бы, выходя на официальную защиту в советское время, он выносил на нее антисоветские диссертации. Но если он, как он пишет, считал партийную идеологию «злой публицистикой» – вряд ли было логично заниматься обличением американского империализма. И при желании получить степень – ее можно было бы получить за исследование чего-либо менее политизированного: древнерусских рукописей, культурного наследия индейцев чероки, хозяйственной жизни пореформенной

России конца XIX века и тому подобного.

Упрекающим его в антипатриотичности, Яковлев и его защитники любили напоминать о своей службе в армии в годы Великой Отечественной войны – хотя как-то смутно встречается информация о том, что ранение, по которому его комиссовали, было из тех, которыми не гордятся и которые в бою лицом к лицу с врагом не получают.

С 1946 года он был на партийной работе. В 1953 – попал в аппарат ЦК КПСС после стажировки в Колумбийском университете и защиты первой диссертации, в 1960 году – и пробыл там до 1972 года. Продвигался и неплохо, и не очень удачно.

В 1965 году Брежнев назначил его заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, вскоре освободилось место собственно заведующего – но Яковлев несколько лет, до своего изгнания из ЦК, проработал исполняющим обязанности заведующего – и все эти годы заведующим его не назначали. Что останавливало. Настораживало. До конца – не верили.

В 1972 году Яковлев опубликовал статью против рождающегося в литературе националистически-почвеннического течения: шла борьба между журналами «Октябрь» и «Новый мир». Статья была, в общем-то, абсолютно коммунистическая и интернационалистическая, да и просто правильная. Но, судя по всему, была написана в расчете на то, что это сдвинет с мертвой точки вопрос о его утверждении в долж-

ности. И в надежде на то, что вызовет внимание Михаила Суслова, который ее поддержит, а вслед за этим проведет утверждение уставшего от неопределенности Яковлева.

Но он не угадал. Суслов, похоже, и так ему не вполне доверявший – увидел там не коммунистическую принципиальность, а партийную должностную интригу – не поддержал, и напротив, одобрил увольнение и почетную ссылку Яковлева: направление на пост посла в Канаде.

Откуда неудавшегося идеолога вытащил уже Горбачев, который в 1983 году как член Политбюро и Секретарь ЦК посетил Канаду, сошелся с Яковлевым и уговорил Андропова вернуть того в Москву, но на академический, а не партийный пост. И став уже Генсеком – перевел того на работу в ЦК КПСС. На Горбачева, как человека в целом малограмотного, произвела впечатление определенная, свойственная Яковлеву многозначительность – и имитация глубокомысленности.

Статья Яковлева, как попытка укрепить свое положение путем организации внутрипартийного идеологического и литературного погрома – на самом деле была не первой. Он и раньше использовал этот прием. Едва став заместителем заведующего Отделом пропаганды в 1965 году, он уже в 1966 написал объемный донос в Политбюро на советских фантастов братьев Стругацких. Оформленный как докладная записка, посвященная, как утверждалась, неблагополучному положению дел в фантастике, она упрекала и ее, и издательство «Молодая Гвардия» в абсолютно нелепых вещах.

Ее нужно публиковать отдельно и смеяться над ней отдельно – потому что авторы, на тот момент написавшие лишь наиболее прокоммунистические произведения и тогда не успевшие написать еще ничего, что позже стало рассматриваться как сомнительное и упадническое – обвинялись в безыдейности и всём, в чем может кондовое бюрократическое и ортодоксальное мышление упрекнуть преданного идее коммуниста.

Последовала погромная волна в фантастике, отчасти смягченная как раз работавшим с издательствами партийным аппаратом, понимавшим абсурдность обвинений Яковлева и, в конце концов, все пришло к упадку в советской фантастике в 1970-е годы. Как деталь – обыски проводились даже у культовой фигуры советской коммунистической фантастики: Ивана Ефремова.

Но своей непосредственной задачи Яковлев тогда добился – его позиции упрочились. А поскольку одно из его обвинений было направлено в адрес главного теоретического органа ЦК КПСС журнала «Коммунист», неоднократно перед этим публиковавшего статьи в поддержку произведений Стругацких, – Яковлев получил пост члена его редколлегии.

Яковлев оказался воодушевлен действенностью приема – и попытался повторить его и еще раз – в 1972 году. В этот раз интрига не удалась. Но методы – показательны.

Кстати, существует версия, что именно Яковлев подтолкнул Ельцина на выступление в октябре 1987 года. После ко-

торого тот утратил пост в Политбюро и пост Первого секретаря МКГ КПСС и попал в опалу – а в итоге стал врагом КПСС и захватил власть в стране. Дело было не в том, что Яковлев конструировал такой ход событий. Он обеспечивал укрепление своих позиций и ослабление возможных конкурентов.

К середине 1987 года в партии и стране было три наиболее весомые и популярные фигуры: это Михаил Горбачев, на которого еще возлагали надежды по обновлению социализма, Егор Лигачев, возглавлявший и работу Секретариата, и курировавший идеологическую сферу, и Борис Ельцин, завоевавший на тот момент популярность активными (хотя и спорными) действиями в Москве. Причем Лигачев активно поддерживал Ельцина и оба в тот момент принадлежали к левому и антирыночному крылу партийного спектра.

Судя по всему, Яковлев не просто подал Ельцину идею такого выступления – но и сумел сделать так, чтобы мишенью последнего стали и Горбачев, и Лигачев, и обещал свою активную поддержку – возможно, не только свою. Но когда Ельцин выступил – на него обрушились все, в том числе и сам Яковлев.

В результате – Ельцин положение в партии потерял, Горбачев оказался в положении мстящего за критику автократора, а Лигачев – главного бюрократического зла и символа сопротивления переменам. А Яковлев, со своей достаточно периферийной позиции в руководстве, переместился, по су-

ти, чуть ли не на место второго лица в партии.

И через полгода практически его укрепил, по ранее описанной схеме организовав внутривнутрипартийный погром против «врагов перестройки», используя в этих целях очередной донос Горбачеву – уже по поводу ничего особо не представлявшей статьи Нины Андреевой. Публикация которой в «Советской России» в марте 1998 года была предварительно согласована именно с Горбачевым.

«Провокация – донос – погром» – это была типичная модель действий Александра Яковлева, обеспечивавшая ему движение в партийной карьере. Если в это время он уже был завербованным агентом – алгоритм действий несколько удивляет повторяемостью и сугубо отечественной бюрократической полицейской примитивностью. Недаром в 1972 году он дал сбой – и смог вновь начать использоваться лишь при новом руководстве, не державшем в памяти событий полуторадесятилетней давности.

Если же он, как пишет, действовал для разрушения «бесчеловечной системы» – с этической точки зрения методы его явно не содействуют популярности его артикулированных идеалов.

Так что «Избавь нас Боже от борцов с «тоталитаризмом» – а с самим «тоталитаризмом» мы и сами как-нибудь разберемся».

Провокация – погром – донос – но в результате всегда личный провал.

Борис Межуев, написавший на смерть Яковлева статью «На смерть Архитектора» – выдвигает версию, что в 60-е годы Яковлев принадлежал к шелепинскому крылу партийного руководства. Ориентированному не на достижение договоренностей с США, а на союз с Китаем и мировым левым движением, и не на политику сосуществования в рамках двухполюсной системы мироустройства, а на то, чтобы, воспользовавшись кризисом Западного мира, усилить натиск на него и сокрушить США и НАТО, сделав СССР центром новой моноцентрической системы. И когда шелепинская группа потерпела поражение в противостоянии с «консервативными державниками», желавшими ограничиться достигнутым, Яковлев, отсидев свою «канадскую ссылку» и накопив «ненависть к победителям», решил в отместку разрушить все, что можно. И все его действия – выношенная и тщательно спланированная месть.

При определенной спорности общей версии в ней явно есть зерно правды: мотив мести. Только более мелкой. Не за поражение «партии» и замысла – а за личную неудачливость.

Александр Яковлев всегда считал себя достойным большего, чем имел. Он всегда считал себя подобием чего-то интеллектуального – и огрубевшие хозяйственники, и балансирующие на грани инфаркта орговики, которые вполне естественно, не могли поддержать разговор о Сартре, Млынарже и не читали доступной в Канаде даже русскоязычной антисоветской литературы – вызвали у него отторжение своим

«антиинтеллектуализмом».

Он претендовал на пребывание в «рефлексии» – им нужно было заниматься конкретной работой. Он смотрел свысока на них – они с недоумением на него. Побывав в Колумбийском университете, он приобрел чувство исключительности. Но его невысоко ценили как теоретики, так и практики. Первые – потому что быстро различали его поверхностность и имитационность. Вторые – потому что сразу видели в нем его пренебрежение и высокомерие.

Коллеги опасались его недоброжелательности, завистливости, готовности к доносительству и интриге. Подчиненные – не любили за пренебрежительность. Руководство – не доверяло за некую неискренность и претенциозность. Он годами сидел в статусе исполняющего обязанности руководителя отдела – и его никак не утверждали. Он выстроил интригу – его изгнали. Он вернулся и надеялся поразить всех своим глубокомыслием – и стал вызывать личностное отторжение. Он копил в себе комплексы неудачника, уверенного, что окружающие «бездарности» и «плебеи» не в силах оценить его талант и прозорливость.

На самом деле, он не любил и презирал Горбачева еще тогда, когда тем восхищалась страна. Он видел малообразованность и тщеславие Генсека, его неумение доводить дело до конца, претензию на великую историческую роль, слабость и готовность всегда уступить давлению. Он всегда считал себя более достойным занять

этот пост – и понимал, что для него стать главой партии уже невозможно. С его точки зрения, его стаж работ в ЦК, ученые степени, стажировка в Колумбийском университете значили несравненно больше, чем колхозно-комбайнерский опыт Горбачева. В своих внутренних видениях, он считал, что не пробудь он так долго в статусе и.о. завождеделом, утверди его раньше, не изгони его партия в 1973 году – к концу 70-х гг. он имел все шансы стать и одним из секретарей ЦК по идеологии, и вторым человеком в этой сфере после Суслова. Но если так – он в 80-е годы мог стать одним из претендентов на пост Генерального секретаря.

Он был на восемь лет старше Горбачева – принадлежал как раз к тому поколению партийных руководителей, что и Шелепин с Семичастным – и вместе со всем этим поколением выпал из участия в высшей политической игре. И Горбачев, по его мнению, как бы проскочил вне очереди. Усугубляло скрытую ненависть и то, что именно Горбачев решил вопрос его возвращения в Москву в начале 80-х. Его с одной стороны ущемляло то, что для возвращения пришлось понравиться, в его представлении, молодому выскочке. С другой – он с презрением относился к тому, как легко Горбачев «купился» на его имитирующие глубину фразы.

И потом, до самого конца, он использовал своего благодетеля и, мстя ему за то, что был ему обязан и от

него зависел, толкал его к пропасти во всех ситуациях, в которых мог подтолкнуть. Он мстил стране и вел ее к катастрофе за то, что она его не оценила. И одновременно мстил Горбачеву и вел к катастрофе и его за то, что был ему обязан – хотя как личность презирал.

Он не любил и презирал окружающих – они отторгали его. Уязвленный кажущейся недооценкой. Мелочный. Копящий злобу и желчь – он получил возможность мстить – и он мстил. Всем. Людям. Партии. Стране.

Кто-то видел в нем «архитектора Перестройки». Кто-то – идейного борца против «тоталитаризма». Он же был лишь получившим власть злобным мизантропом, мстящим людям и обществу за то, что они «не сумели» разглядеть в нем его «скрытую» мнимую гениальность.

Одиночество и пустота. И опять о нем

Он все еще жив. Его очередная «исповедь»⁴ производит впечатление написанной им самим. И, кстати, содержательнее прежних многословных бумажных монологов, в которых даже при навыках и стараниях трудно было уловить какие-либо внятные мысли – кроме некоего песенного потока сознания.

Возможно потому, что там он хоть понимает, о чем пишет – о том, что с ним было. И, сформулированный или не сформулированный, но постоянно читается давящий его вопрос: как же так получилось, что все было – и ничего не стало? Тот же вопрос, который Н. Михалков вкладывает в души персонажей «Солнечного удара» перед тем как они, вместе с дырявой баржей и их миром погружаются в волны – волны Черного моря и моря прошлого.

Его можно было бы пожалеть – если бы не правило: не жалеть не жалевших других. Сейчас он сам себя жалеет и утешает, но четверть века назад он не пожалел великую страну и принес в жертву собственной мании величия триста миллионов ее граждан.

Он так ничего и не понял – и описывая обструкцию, ко-

⁴ Горбачев М. С. «Наедине с собой». М., 2012.

торой он подвергся в 1996 году, когда выдвинул свою кандидатуру на пост Президента России – во всем винит с одной стороны – администрацию Ельцина, с другой – «выходки КПРФ». И даже то, что при голосовании он получил голосов меньше, чем представил подписей в ЦИК для своего выдвижения не проясняет для него одну простую вещь – его не ненавидели. Его презирали.

Много фотографий. Ценных, исторических. Вот он в колхозе. Вот он с орденоносцем отцом. Вот он с Гришиным. Вот он с Косыгиным. Вот он с Брежневым. Вот он с Андроповым. Вот он в комсомоле... Только не пишет, как и когда он их всех решил предать. И разрушить все то, что они создавали и отстаивали всей своей жизнью.

Рассказывает, как в село пришла газета с вкладышем – о подвиге Зои Космодемьянской. Как он по многу раз читал ее односельчанам и как те плакали – от жестокости фашистов и от героизма Зои. Рассказывает, как вместе со сверстниками восклицал: «Мы зададим фашистам!». И не говорит, как и когда решил, выбирая свое место в жизни, стать вместе с теми, кто истязал Космодемьянскую и ее вешал.

Вот он пишет о том, как умер Черненко и как он стал Генсеком. И первое о чем рассказывает – как решил (по его словам – сам), что его жена должна играть роль «первой леди». Уверяет, что она вовсе не играла роли в принятии политических решений и даже не знала, чем занимается Политбюро. Только еще живые сегодня и общавшиеся с ним тогда гене-

ралы рассказывают, что даже когда они предупреждали его о недопустимости сокращения и уничтожения тех или иных видов вооружений, он отвечал:

«Ну, вот знаете... Давайте не будем сразу решать. Я тут посоветуюсь с Раисой Максимовной – и решим» И потом они узнавали, что он все решил – только полностью проигнорировав их предупреждения.

Он сетует, что в день, когда дошел до конца в своем государственном и нравственном падении – 25 декабря 1991 года, своим телевизионным объявлением об отставке закрепил и подтвердил уничтожение СССР – «еще не закончилась моя речь, а Борис Ельцин был готов сам лезть на крышу в Кремле, чтобы побыстрее снять флаг СССР». Только никак не хочет признать, что именно он открыл Ельцину путь на эту крышу.

Он так и не понял, что если сорвали твой флаг – винить нужно не врага, который и объявил себя твоим врагом и стремится сорвать твой флаг – а себя, назвавшегося защитником этого флага, но ничего реального не сделавшего, чтобы флаг защитить не болтовней, а действиями.

Он жалуется, что в 1986 году увидел, несмотря на его объявление о перестройке и призывы работать по новому, что все руководство на местах заняло выжидательную позицию и не работает уже ни по-новому, ни по-старому. И тогда он решил менять кадры. И он так и не понял, что призывы «работать лучше» – это пустые слова. Что за определенным ис-

ключением, никто не хочет работать хуже и никто не против того, чтобы работать лучше. Только чтобы люди работали лучше, нужно не призывать к этому, а ставить перед ними соответствующие задачи. И помогать их решать.

Следом он жалуется на то, что подвела система: «Не оставляя простора для самостоятельности». Только никак не объясняет, почему, при том или ином несовершенстве системы, в предыдущие десятилетия люди в ее условиях довольно неплохо работали, а вот именно при нем – перестали.

И до простой мысли, что до него люди в этой системе понимали, что им нужно делать и какие задачи перед ними стоят, а при нем просто понимать перестали, он так дойти и не сумел...

Точно так же, как и не понял: руководить – это значит организовывать работу, а не произносить заклинания.

Жалуется, что стилем советской дипломатии к середине 80-х годов было «демонстрировать непреклонность», что, по его мнению, мешало договариваться с США – и хвастается, что его «стилем было – наращивать диалог, расширять возможности для компромисса» что его «коллеги рассматривали как слабость... сдачу позиций».

Только давно уже и сами американцы, и политики, и дипломаты неоднократно писали о том, каким подарком стала для них неожиданная и немотивированная уступчивость Горбачева в самых важных и принципиальных вопросах. А Билл Клинтон именно ее рассматривал и называл главной

«причиной победы США в Холодной войне».

Он радуется, что на встрече в Женеве в результате «его стиля» они с Рейганом «за 15 минут преодолели «непреодолимые преграды»» – и приняли совместное заявление, в котором объявили, что не хотят ядерной войны и не стремятся к военному превосходству. Но США никогда и не говорили, что они такой войны хотят – и что стремятся к такому превосходству – они говорили, что всего лишь «сдерживают СССР».

Да и Рейган, по словам самого Горбачева, с самого начала их встречи убеждал «в необходимости сокращения наступательных вооружений и перехода к оборонительным системам» – то есть, к созданию СОИ, переносу военного соперничества в космос.

Горбачев уступил все, что мог, за 15 минут и в результате добился одного: Рейган в совместном заявлении еще раз озвучил все то, что говорил и до уступок: что Америка вовсе не стремится к превосходству, а только просто обороняется.

Горбачев даже сегодня ставит себе в заслугу пункт риторический пункт совместного заявления: «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей» и делает вывод, что тем самым была признана бессмысленность гонки вооружений. И не понимает, что эта формально верная формула лишь фиксировала позицию США: чтобы не было ядерной войны, нужно создавать СОИ и укреплять «оборону Америки».

И показав, что он всегда и во всем готов к «компромиссу», в следующей главе «Дух Женевы под угрозой» сетует, что после всех его уступок США взяли и перешли в наступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.